

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ВЫП. 67

ОБ ОДНОЙ НОРВЕЖСКО-ШВЕДСКОЙ
 ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ (АЛЬВЕОЛЯРНЫЕ
 И КАКУМИНАЛЬНЫЕ В НОРВЕЖСКОМ И ШВЕДСКОМ)

М. И. Стеблин-Каменский

1. Термины — вещь условная, но тем более важно о них условиться. Следуя традиции и, в частности, Лунделлю,¹ Сиверсу,² Есперсену,³ Нурену,⁴ Сторму,⁵ Броку и Сельмеру,⁶ Данеллю,⁷ Диту,⁸ Мальмбергу⁹ и др. (не только скандинавским) фонетистам, я буду называть какуминальными (буквально твердонебными, от латинского *sacumen* 'вершина', в фонетике: 'вершина нёба', или 'твердое нёбо') те согласные, которые образуются сближением кончика языка с твердым нёбом (выше альвеол), в отличие от альвеолярных, т. е. тех согласных, которые образуются сближением кончика языка с альвеолами, и дентальных, т. е. тех согласных, которые образуются сближением кончика языка с (верхними) зубами. При альвеолярных кончик языка несколько приподнят, а спинка языка вогнута, тогда как при какуминальных кончик языка сильно приподнят и даже несколько загнут назад, а спинка языка вогнута. Какуминальные согласные назывались также апи́ко-какуминальными (по активному и пассивному речевому органу), ретрофлексными, или инвертированными (по форме активного речевого органа), церебральными (от латинского *cerebrum* 'мозг', неудачный перевод санскритского *mūrdhanja* от *mūrdhan* 'вершина'), лингвальными («крайне неподходяще», по словам Сиверса), а по-норвежски и шведски

¹ J. A. Lundell. Det svenska landsmålsalfabet tillika en öfersikt af språkljudens förekomst inom svenska mål. Nyare bidrag till kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folklif, 1, 1879, 20.

² E. Sievers. Grundzüge der Phonetik. Leipzig, 1893, 59—60.

³ O. Jespersen. Fonetik. København, 1897—1899, 206.

⁴ A. Noreen. Vårt språk, I. Lund, 1903, 380.

⁵ J. Storm. Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken. «Norvegia», I, 1884, 93—94.

⁶ O. Broch og E. W. Selmer. Håndbok i elementær fonetikk. Oslo, 1930, 28.

⁷ G. Danell. Svensk ljudlära. Stockholm, 1937, 24.

⁸ E. Dieth. Vademekum der Phonetik. Bern, 1950, 183.

⁹ B. Malmberg. Svensk fonetik. Malmö, 1956, 54.

«толстыми» (по акустическому эффекту). Альвеолярные назывались также супрадентальными (в Швеции они очень часто и теперь так называются, а раньше иногда и «толстые» так назывались), а пико-альвеолярными, а по-норвежски и шведски также «полутолстыми». Дентальные назывались также постдентальными, гингивальными, а по-норвежски и шведски «тонкими». Альвеолярные коррелаты дентальных обозначаются ниже буквами $\uparrow$ $\downarrow$ η и так далее, а их какуминальные коррелаты — буквами $\uparrow$ $\downarrow$ η и т. д. Разграничение какуминальных, альвеолярных и дентальных имеет важное значение для норвежского и шведского языков. Поэтому досадно, что в последние годы в нашей скандинавистике, в частности и в моих работах,¹⁰ какуминальными назывались не какуминальные в традиционном значении этого термина, а те согласные, которые, по меньшей мере в скандинавской традиции, всегда назывались и называются альвеолярными (или супрадентальными).

2. Альвеолярные согласные $\uparrow$ $\downarrow$ η !/, которые как в норвежском, так и шведском языке возникли из сочетаний $\uparrow$ $\downarrow$ η $\uparrow$ /, привлекали к себе внимание в связи с тем, что неясен их, так сказать, фонематический статус.¹¹ В норвежском литературном языке (т. е. риксмале в восточнонорвежском произношении) их определяли как самостоятельные фонемы в изолированных словах, но реализации сочетаний фонем в *sandhi*;¹² как представители сочетаний фонем или самостоятельные фонемы;¹³ как потенциально самостоятельные фонемы;¹⁴ как фонемы в разговорном языке, но комбинаторные или стилистические варианты фонем в литературном языке;¹⁵ как не фонемы.¹⁶ В шведском литературном языке (в центральношведском произношении) их определяли как факультативные варианты сочетаний фонем¹⁷ или как фонетические реализации сочетаний фонем.¹⁸

¹⁰ Например: М. И. Стеблин-Каменский. История скандинавских языков. М.—Л., 1953, 154, 160, 168; С. С. Маслова-Лашанская. Шведский язык, I. Л., 1953, 23.

¹¹ Альвеолярный сибилант [ʃ], который возник из сочетания /ts/ совершенно аналогично другим альвеолярным, я не упоминаю, так как он находится в комплементарном распределении с альвеолярным сибилантом другой фонетической природы и другого происхождения и вместе с ним составляет фонему /ʃ/, самостоятельность которой не может вызывать сомнений.

¹² С. Borgström. Zur Phonologie der norwegischen Schriftsprache. Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, IX, 1938, 255, 258.

¹³ Ег о же. Innføring i sprogvidenskap. Oslo, 1958, 36—37.

¹⁴ Н. Vogt. Some Remarks on Norwegian Phonemics. Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, XI, 1939, 142—143.

¹⁵ В. Trnka. K norským alveolárám. Časopis pro moderní filologii, XXVII, [1941], 2, 170—172.

¹⁶ О. Næs. Norsk grammatikk, I. Oslo, 1952, 59.

¹⁷ Л. Р. Зиндер. Из заметок по фонетике современного шведского языка. Доклады и сообщения филологического факультета ЛГУ, 1949, 1, 202.

¹⁸ Cl.-Chr. E l e r t. Bidrag till en fonematisk beskrivning av svenska. Arkiv för nordisk filologi, 72, 1957, 45.

Неясность фонематического статуса этих альвеолярных объясняется, очевидно, их известной функциональной несамостоятельностью по отношению к сочетаниям согласных /rt rd rn rl/. Противопоставление альвеолярных соответствующим дентальным широко используется в норвежском и шведском литературных языках для различения как частей слов, так и целых слов (например, в норвежских или шведских словах *kart* /káʔ:/ 'неспелый плод' и *katt* /kát:/ 'кошка' и т. п.), но противопоставление альвеолярных соответствующим сочетаниям согласных как правило так не используется. Однако альвеолярные и соответствующие сочетания согласных могут заменять друг друга как стилистические варианты: альвеолярные характерны для разговорного стиля, сочетания согласных — для торжественного. Впрочем, фонетические условия тоже играют роль в этой замене: альвеолярные появляются после кратких гласных реже, чем после долгих.¹⁹ Кроме того, легкость замены неодинакова для различных сочетаний /r/ с дентальным согласным: для /rt/ она больше, чем для /rd rn rl/ и т. д. Возможна и морфологическая аналогия.²⁰

В силу всего этого сочетание согласных не всегда заменимо соответствующим альвеолярным (например, в некоторых словах высокого стиля, в некоторых словах после краткого гласного, в некоторых словах на стыке морфем и т. д.), и таким образом могут возникать спорадические случаи противопоставления альвеолярного соответствующему сочетанию согласных.²¹ Наконец, и альвеолярный не всегда заменим соответствующим сочетанием согласных: так, в норвежском литературном языке [l] и [n] появляются в некоторых словах или положениях, где их могут заменить [l] и [n], но никак не /rl/ и /rn/ (например, в *klok*, *skole*, *kanskje*). В этих случаях альвеолярные и дентальные являются как бы факультативными вариантами одной фонемы.

Таким образом, сложность фонематического статуса норвежских и шведских альвеолярных в сущности не покрывается ни одним из приведенных выше (стр. 30) определений. Но едва ли прав Фугт,²² утверждая, что такая сложность вообще характерна для «высоко дифференцированного общества» и «языков цивилизации» (*langues de civilisation*). Она, вероятно, объясняется более просто: образование альвеолярных фонем в норвежском

¹⁹ См. также: I. A. Lyttkens och F. A. Wulff. Svenska språkets ljudlära och beteckningslära. Lund, 1885, 196, 233, 298 и сл.

²⁰ См., например: A. Noreen, ук. соч., 432 и сл.

²¹ Так, Фугт (Vogt, ук. соч., 138—139) приводит для норвежского литературного языка следующие минимальные пары: (de spanske) *cortes* с /rt/ '(испанские) кортесы' и *kortes* (*verdi*) с /t/ '(ценность) карты'; *en ferd i båt* с /rd/ 'поездка в лодке' и *en ferdig båt* с /d/ 'готовая лодка'; *argene* с /rn/ 'шрамы' и *ordene* с /n/ 'слова'. В последней паре противопоставлены части слов, а не целые слова (то же в *verdige* с /rd/ 'достойный' и *ferdig* с /d/ 'готовый', — С. Borgstøm. *Innføring*, 36).

²² Н. Vogt, ук. соч., 143—144.

и шведском не завершилось, фонемы эти находятся в становлении, поэтому в их функционировании имеют место пограничные случаи.²³ С точки зрения фонологической теории звуковых изменений, такие незавершенные процессы представляют особый интерес: в них легче проследить последовательные этапы звукового изменения и действие факторов, способствующих или препятствующих ему.

3. Норвежская и особенно шведская диалектографическая литература чрезвычайно обширна и обстоятельна, но очень мало обобщена. В частности, фонологическая точка зрения в ней никогда не применялась. Между тем именно эта точка зрения позволяет отделять общее от частного и более важное от менее важного. Дело в том, что диалектальные различия далеко не равноценны: различия в составе фонем несравненно важнее, чем различия в их распределении или аллофоническом варьировании. Поэтому фонологическая точка зрения позволяет свести почти бесконечное многообразие диалектального варьирования к немногочисленным важным различиям.²⁴

Слияние /г/ с последующим дентальным характерно для большей части территории Норвегии и Швеции. Вне этой обширной норвежско-шведской области остается только южная окраина Швеции (Сконе, Блекинге, южная часть Халлянда и Смоллянда), запад Норвегии (Вестляни) и ее крайний север.²⁵ Границы этой области близко совпадают с областью распространения переднеязычного г²⁶ и так называемого «толстого l»;²⁷ отчасти они совпадают с границами некоторых других диалектальных явлений (северной границей новых дифтонгов в Швеции и западной границей равновесия гласных в Норвегии).²⁸ Но этих диалектальных явлений я не буду касаться. На большей части этой обширной норвежско-шведской области /г/ сливается с последующим дентальным в альвеолярные /t̪ d̪ n̪ l/, а «толстое l» сливается с последующим дентальным в какуминальные /t̪ d̪ n̪ l/, и, таким образом, альвеолярные противопоставля-

²³ На необходимость диахронической точки зрения в анализе норвежских альвеолярных впервые указал Тринка (В. Т р и н к а, ук. соч.).

²⁴ Попытка фонологической градации диалектальных различий есть в моей работе «Диалектальные различия в исландском языке» (ВЯ, 1960, № 5, 61).

²⁵ Граница для Швеции см.: G. Sjöstedt, *Studier över r-ljuden i sydskandinaviska mål*. Lund, 1936, 275 и сл.; E. Wessén, *Våra folk mål*. Malmö, 1958, 17—18; границы для Норвегии см.: H. Christensen, *Norske dialekter*. Oslo, 1946—1948, 138 и сл.

²⁶ См. особенно: G. Sjöstedt, ук. соч., 176 и сл.; 205 и сл., 227 и сл.

²⁷ Граница для Швеции см.: G. Sjöstedt, ук. соч., 280 и сл.; E. Wessén, ук. соч., 17—18; граница для Норвегии см.: A. B. Larsen, *Oversigt over de norske bygdemål*. Oslo, 1948, 20; H. Christensen, ук. соч., 138 и сл. Об отражении в границах распространения «толстого l» древних племенных границ в Норвегии см.: A. Sommerfelt, *Sur la propagation des changements phonétiques*. Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, IV, 1930, 101 и сл.

²⁸ J. Brøndum-Nielsen, *Dialekter og Dialektforskning*. København, 1951, 81.

ются какуминальным. Ср., например, норвежские диалектальные /gá : ŋ/ 'пряжа', где /ŋ/ из /gn/, и /gá : 'n/ 'двор', где /'n/ из «толстого l» + /n/.²⁹ В некоторых диалектах они противопоставляются и в других случаях (см. стр. 41). В диалектах, где есть такое противопоставление, и альвеолярный сибилант /ʃ/ противопоставлен какуминальному сибиланту /'s/. Внутри норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области (я буду условно так ее называть) есть центральная территория, где вместо сочетаний /rt rd rn rs rl/ представлены какуминальные /t 'd 'n 's 'l/, т. е. где альвеолярные слились с какуминальными.³⁰ В ряде шведских диалектов, впрочем, какуминальные неотличимы от альвеолярных.³¹ Наконец, на южной окраине «альвеолярно-какуминальной» области в Швеции вместо сочетаний /rt rd rn rs rl/ представлены дентальные /t d n s l/, т. е. альвеолярные слились с дентальными.³² Но даже в той центральной части норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области, где вместо альвеолярных, как правило, представлены какуминальные, среди согласных есть все же по меньшей мере один альвеолярный, а именно /r/, точно так же, как даже там, где есть альвеолярные /t d n l/, но нет какуминальных коррелятов этих альвеолярных,³³ среди согласных все же присутствует по меньшей мере один какуминальный — «толстое l». Потенциально оно присутствует и в норвежском и шведском литературных языках (ср. стр. 39).

Из той шведской и норвежской диалектографической литературы, которая была мне доступна, очевидно, что фонематический статус согласных, представленных в диалектах в результате слияния /r/ с последующим дентальным, в основном тот же, что и в литературных языках, и это, конечно, неудивительно, поскольку литературные языки Норвегии и Швеции основаны на диалектах «альвеолярно-какуминальной» области. Фонематический статус согласных, представленных в диалектах в результате слияния /r/ с последующим дентальным, определяется тем, что противопоставление этих согласных соответствующим дентальным широко используется для различения не только частей слов, но и целых слов, тогда как противопоставление этих согласных соответствующим сочетаниям согласных, как правило, вовсе не используется так. Однако и в диалектах иногда встречаются слова, в которых /r/ не сливается с последующим дентальным: отчасти это результат влияния литературного или

²⁹ С. Borgstrøm. Innføring, 40.

³⁰ J. A. Lundell, ук. соч., 47 и сл.; J. Storm, ук. соч., 101; A. Noreen, ук. соч., 448 и сл.; A. B. Larsen, ук. соч., 20; H. Christiansen, ук. соч., 144.

³¹ См.: S. Landtmanson. Studier över Västgötamålets l- och r-ljud. Stockholm, 1905, 61; A. I. Ålander. Konsonanterna i Östergötlands folk-mål, I. Uppsala, 1932, 196—197.

³² См.: A. I. Ålander, ук. соч., 262 и сл.; G. Danell, ук. соч., 22; B. Malmberg, ук. соч., 57.

³³ Ср., например: J. A. Lundell, ук. соч., 39.

письменного языка, т. е. языка церкви и школы,³⁴ отчасти — особых фонетических условий³⁵ или морфологической аналогии.³⁶ Таким образом создаются условия для спорадического противопоставления альвеолярных (или какуминальных) соответствующим сочетаниям согласных. Отличие от литературных языков заключается только в том, что в диалектах слияние /г/ с последующим дентальным происходит последовательней и случаев сохранения сочетаний /gd/ и других в них меньше. С другой стороны, и в диалектах альвеолярный (или какуминальный) согласный может возникнуть там, где соответствующего сочетания согласных никогда не было.³⁷

Казалось бы, что слияние /г/ с последующим дентальным /t d n l/ в соответствующий альвеолярный вполне достаточно объясняется свойствами сливающихся согласных: /г/ и последующие /t d n l/ взаимно ассимилируются таким образом, что в результате получается согласный, который сочетает часть свойств /г/, а именно — его альвеолярность, и часть свойств дентального, а именно — все его свойства, кроме самой дентальности, т. е. смычность или латеральность, глухость или звонкость, оральность или назальность. Со скандинавской точки зрения, это объяснение кажется вполне достаточным, вероятно, еще и потому, что в Скандинавии такая ассимиляция является правилом всюду, где представлено переднеязычное г: ассимиляция эта, со скандинавской точки зрения, кажется как бы естественным результатом соприкосновения переднеязычного г с последующим дентальным. Но в том-то и дело, что в других языках, где представлено переднеязычное г (например, в русском), это /г/ не проявляет никакой тенденции к слиянию с последующим дентальным.

Почему же альвеолярность норвежско-шведского переднеязычного г оказывается «сильнее» альвеолярности переднеязычного г в других языках? «Сила» ее зависит, очевидно, от ее места в системе противопоставлений согласных. Если /г/ и /л/ — единственные плавные, если они стоят вне локальных рядов и противопоставлены друг другу как раскатистый нераскатистому или

³⁴ Примеры таких слов с /rd rt/ из диалекта юго-востока Норвегии приводит Хофф (I. Hoff. Skjetvemålet. Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, 1946, № 1, 216); примеры таких же (частично — тех же!) слов из диалекта севера Швеции приводит Дальстедт (K.-H. Dahlstedt. Det svenska Vilhelminamålet. Uppsala, 1950, 151—152).

³⁵ Примеры слов с /gd/ в случае долгого г из диалекта одного из Луфутенских островов приводит Кристиансен (H. Christiansen. Gimsøy-målet. Oslo, 1933, 167).

³⁶ См., например: J. Reitan. Rørosmålet. Det kgl. norske videnskabs selskabs skrifter. Trondheim, 1932, № 6, 123; A. I. Ålander, ук. соч., 264.

³⁷ Примеры такого альвеолярного или какуминального п приводит Сторм из норвежских диалектов (J. Storm, ук. соч., 105) и Люнделль — из шведских (J. A. Lundell, ук. соч., 41). См. также: A. I. Ålander, ук. соч., 211 и сл. и особенно: D. O. Zetterholm. Om supradentala och kakuminala n-ljud i nordiska språk. Uppsala, 1939, 29 и сл.

как нелатеральный латеральному, что имеет место в очень многих языках,³⁸ то альвеолярность, естественно, не является различительным признаком /г/ и поэтому при ассимиляции /г/ с последующим согласным не может стать различительным признаком того согласного, с которым /г/ ассимилируется. И наоборот: раз альвеолярность /г/ становится различительным признаком того согласного, с которым /г/ ассимилируется, то она должна быть различительным признаком и самого /г/, т. е. тем признаком, по которому этот плавный противопоставляется по меньшей мере одному другому плавному.³⁹

Но какому же другому плавному противопоставляется норвежско-шведское /г/ по своей альвеолярности? Чтобы ответить на этот вопрос, надо разобраться в том, что же представляет собой норвежско-шведское «толстое l».

4. Классическое фонетическое описание «толстого l» дал Сторм: «Настоящее так называемое „толстое l” — наиболее ярко выраженный из всех какуминальных звуков, но оно не является чистым какуминальным l. Его образование... заключается в том, что сперва кончик языка поднимается к середине твердого нёба, не касаясь его, в результате чего в первое мгновение возникает г-образное скольжение, которое слишком бегло, чтобы нуждаться в обозначении; затем происходит главное движение, которое заключается в том, что кончик языка посредством одного удара продвигается вперед вдоль твердого нёба к зубам, в конце с беглым соприкосновением. Если этого соприкосновения нет совсем, звук приближается к спирантному какуминальному г; если соприкосновение становится бóльшим, а движение языка менее энергичным, произношение приближается к какуминальному gd. При этом ударе языка возникает своеобразный меняющийся звук, который мы называем толстым l, потому что для нас оно всего больше похоже на l; иностранцы обычно находят его более похожим на г... В толстом l есть что-то от природы спиранта, а именно в первое мгновение; но в нем есть также что-то эксплозивное, так как в нем одно мгновение есть соприкосновение, и оно не поддается продлению. Таким образом, звук этот очень сложен и многообразен, в силу чего иностранцу и даже жителю Западной Норвегии почти невозможно произнести его...»⁴⁰ Полемизируя с Люнделлем, А. Нурен замечает: «Это понимание [т. е. понимание тол-

³⁸ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, 165.

³⁹ Об аналогичной зависимости направления ассимиляции от фонологического содержания ассимилирующихся фонем мне приходилось говорить в работе: «Одна проблема исторической фонологии исландского языка» (Уч. зап. ЛГУ, № 308, Скандинавская филология, 1961, 15 и сл.).

⁴⁰ J. Storm, ук. соч., 105—106; ср. также: J. Storm. Englische Philologie, I. Heilbronn, 1881, 24; J. A. Lundell, ук. соч., 48; A. Noreen, ук. соч., 452; A. B. Larsen, ук. соч., 19; H. Christiansen. Norske dialekter, 18; G. Danell, ук. соч., 24; B. Malmberg, ук. соч., 63. — Название «толстое l» (l crassum) принадлежит шведскому языковеду Буреусу (1568—1652).

стого l как «в основном» l-образного звука — М. С.-К.] не может, однако, быть оправдано и, по-видимому, теперь большинством оставлено. Скорее толстое l „в основном” г-образный звук, как оно и воспринимается иностранцами, когда они слышат этот специфичный для скандинавских диалектов звук». ⁴¹ Все же — и это, конечно, не случайно — норвежцы и шведы продолжают осознавать «толстое l» как l и всегда его так называют, тогда как иностранцы, которые, по общему признанию, не могут его произнести, всегда принимают его за г.

Норвежцу и шведу, естественно, должно показаться абсурдным, что иностранец, т. е. человек, которому заведомо невозможно произнести «толстое l», берется определять его сущность. Но что поделаешь: всякое утверждение любого ученого обычно кажется другим ученым либо абсурдным и неправильным (если оно противоречит взглядам этих ученых), либо самоочевидным и неоригинальным (если оно совпадает со взглядами этих ученых). *Tertium non datur.*

Уже из того, что «толстое l», сливаясь с последующим дентальным, дает какуминальный согласный (см. стр. 32), следует, что какуминальность — это различительный признак «толстого l», т. е. что оно относится к тому же локальному ряду, что и фонемы /t 'd 'n 's 'l/, представленные в шведско-норвежской «альвеолярно-какуминальной» области, но отличается от них наличием еще какого-то различительного признака. Таким его признаком, очевидно, могли бы быть, при наличии г- и l-образных согласных, либо раскатистость (нелатеральность), либо нераскатистость (латеральность). Однако место нераскатистого (латерального) какуминального уже занимает фонема /l/, которая противопоставляется «толстому l» по латеральности. Не случайно у Лунделля в таблице шведских диалектальных согласных «толстое l» занимает место какуминального l, а для последнего вообще не нашлось места, ⁴² хотя нет сомнения в том, что такая фонема существует в шведских и норвежских диалектах. ⁴³

В ряду какуминальных для «толстого l» находится место только в том случае, если оно оказывается среди раскатистых, и так его помещают некоторые диалектологи. ⁴⁴ Это оказывается возможным, поскольку место какуминального г в шведских и норвежских диалектах, как правило, свободно. Вторым различительным признаком «толстого l», конечно, и может быть только раскатистость, и это не противоречит его фонетической природе,

⁴¹ A. Noreen, ук. соч., 452.

⁴² J. A. Lundell, ук. соч., 21.

⁴³ На то, что в таблице Лунделля не нашлось места для какуминального l, указывали и шведские диалектологи (см., например: J. V. Lindgren. *Burträskmålets grammatik*. Stockholm, 1890, 9).

⁴⁴ A. B. Larsen. *Kristiania bymål*. Kristiania, 1907, 8; Его же. *Selbygmålets lydlære*, «Norvegia», II, 1908, 11; T. Bogren. *Torpmålets ljud- och formlära*. Stockholm, 1921, 3.

так как в нем есть раскат (удар кончиком языка). Таким образом, по своему месту в системе противопоставлений шведско-норвежских согласных «толстое l» должно быть какуминальным г и обозначаться /'г/. Тогда норвежско-шведские ряды дентальных, альвеолярных и какуминальных в своем максимальном составе таковы:

t	d	n	s	l	
t̥	d̥	n̥	ʃ	l̥	г
't	'd	'n	's	'l	'г

Однако у норвежско-шведского «толстого l» фонематический статус еще более сложен, чем у норвежских и шведских «альвеоляризованных дентальных», т. е. /t̥ d̥ n̥ l̥/. Дело в том, что фонологическому содержанию «толстого l» противоречит его распределение. У «толстого l» есть сильная тенденция к комплементарному распределению с латеральным дентальным, или «тонким l», т. е. к слиянию с ним в одну фонему. Распределение «толстого» и «тонкого l» несколько меняется от диалекта к диалекту, но общая тенденция этого распределения одинакова для всей норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области. Она заключается в том, что «толстое l» является правилом: 1) после гласного в конце слова или между гласными (но обычно не после наиболее закрытых гласных переднего ряда), 2) между гласным и согласным (но не дентальным), 3) между согласным (но обычно не дентальным) и гласным, а «тонкое l» является правилом во всех остальных случаях, т. е. в начале слова (однако в Далярна «толстое l» встречается и в начале слова), в удвоении, после наиболее закрытых гласных переднего ряда, рядом с дентальными.

Но эта общая тенденция ни в одном норвежском и шведском диалекте не находит завершения: «тонкое» и «толстое l» все же встречаются в одинаковых положениях, т. е. потенциально или фактически противопоставляются друг другу. «Тонкое l» нередко представлено вместо ожидаемого «толстого l» в словах, заимствованных из другого языка или из литературного языка,⁴⁵ в силу морфологической аналогии,⁴⁶ оноματοпоэтической функции «тонкого l»⁴⁷ или, наконец, того, что в данном слове когда-то раньше не было условий для появления «толстого l», а именно

⁴⁵ См., например: S. Landtmanson, ук. соч., 36 и сл.; A. B. Larsen. Selbygmålets lydlære, 240 и сл.; A. I. Ålander, ук. соч., 168 и сл., 175 и сл., 184, 190 и сл.; G. Areskog. Östra Smålands folkmål. Lund, 1936, 22; J. Reitan. Aalens maalføre. Skrifter udgitvne at Videnskabs-selskab i Christiania, II, 1906, № 4, 45; V. Riksheim. Ljodvoksteren i Vefsn-maalet. Kristiania, 1921, 49; I. Hoff, ук. соч., 212; O. Skulerud. Tinnsmaalet, I. Halle, 1922, 378 и сл.

⁴⁶ См., например: A. I. Ålander, ук. соч., 135, 140; J. Reitan. Røros-målet, 137.

⁴⁷ См., например: S. Landtmanson, ук. соч., 53; A. I. Ålander, ук. соч., 163.

в словах, где перед /l/ выпал дентальный⁴⁸ (а после дентального обычно «тонкое l»), где /e/ перед /l/ возникло из дифтонга /ei/⁴⁹ (а после /i/ и /ei/ обычно «тонкое l»), где /l/ было раньше долгим⁵⁰ (а «толстое l» не бывает долгим), и т. п. Но все эти исторические «правила», установление которых стоит больших трудов историкам языка и диалектологам, тоже допускают исключение,⁵¹ поскольку распределение «толстого» и «тонкого l», очевидно, никогда не было последовательно комплементарным, или чисто аллофоническим, и, следовательно, могло изменяться в силу морфологической аналогии, заимствований и т. д. Поэтому в ряде случаев спорно или вообще непонятно, почему вместо ожидаемого «толстого l» представлено «тонкое».⁵² Случаи противопоставления «толстого» и «тонкого l» в минимальных парах встречаются во всех норвежских и шведских диалектах.⁵³ Однако противопоставление это не используется широко в силу того, в частности, что в распределении «толстого» и «тонкого l» обычно есть колебания в пределах одного говора и даже у того же самого говорящего.⁵⁴

«Толстое l» потому, конечно, и осознается шведами и норвежцами как l, а не г, что оно имеет тенденцию к комплементарному распределению с «тонким l», т. е. к слиянию с ним в одну фонему, но всегда четко противопоставлено фонеме /g/. Носители языка в данном случае стихийно стоят на строго функциональной точке зрения. Возможно, играет роль и то, что в литературном норвежском и шведском произношении «толстому l», как правило, соответствует «тонкое l» (за исключением некоторых слов, где «толстому l» соответствует в написании gd, а в произ-

⁴⁸ См., например: J. Reitan. Aalens maalføre, 45; G. Areskog, ук. соч., 22.

⁴⁹ См., например: S. Landtmanson, ук. соч., 6; A. I. Ålander, ук. соч., 155; I. Hoff, ук. соч., 210. — Речь здесь идет в основном о слове hel 'целый', но «тонкое l» в нем объясняется и тем, что это слово стояло в неудачном положении (G. Areskog, ук. соч., 22).

⁵⁰ См., например: A. B. Larsen. Selbygmålets lydlære, 241; A. I. Ålander, ук. соч., 139 и сл.; O. Skulerud, ук. соч., 379.

⁵¹ См., например: S. Landtmanson, ук. соч., 62; A. I. Ålander, ук. соч., 140 и сл.

⁵² См., например: I. Hoff, ук. соч., 213.

⁵³ Еще А. Кокк приводил из диалекта Дегерфорса пару själ 'тюлень' (с «толстым l») и 'душа' (с «тонким l») (А. Кокк. Till frågan om supradentalt l och n i det nordiska fornspråket. Arkiv för nordisk filologi, 5 (9), 1893, 257). В работе Оляндера встречается пара del 'сосок свиньи' (с «толстым l») и 'часть' (с «тонким l») (А. I. Ålander, ук. соч., 165 и 168), в работе Арескуг — пара pil 'ива' (с «толстым l») и 'стрела' (с «тонким l») (G. Areskog, ук. соч., 22), в работе Ландтмансона — пара kil 'клинообразный клочок' (с «толстым l») и 'клин как инструмент' (с «тонким l») (S. Landtmanson, ук. соч., 37) и т. д. Для норвежских диалектов Боргстрем приводит пары /há : l/ 'тащи' и /há : l/ 'твердый', /ø : l/ 'пиво' и /ø : l/ 'тепло', /stø : l/ 'пастбище' и /stø : l/ 'одеревенелый' (С. Borgstrøm, ук. соч., 40; l — обозначение «толстого l»).

⁵⁴ Ср., например: V. Riksheim, ук. соч., 50.

ношении /r/, /d/ или /rd/). Между тем иностранец, в языке которого нет «толстого l» и всех связанных с ним фактов, но есть два плавных — раскатистый и латеральный, — стихийно стоит на строго фонетической точке зрения и, не колеблясь, отождествляет «толстое l» с раскатистым. А иностранец, в языке которого есть только один плавный, вообще не поймет, о чем идет спор.

Для «толстого l» так же, как для альвеолярных, возникших из сочетания /r/ с дентальным, характерна известная функциональная неполноценность. Но, если для альвеолярного эта неполноценность объясняется тем, что процесс становления новой фонемы еще не завершился, то для «толстого l» она скорее объясняется тем, что не завершился процесс исчезновения фонемы. В первом случае синтагматическое слияние в сочетаниях /rt rd rn rs rl/ приводит к парадигматическому расщеплению каждой из старых фонем, т. е. /t d n s l/ на две новые — /t/ и /t̥/, /d/ и /d̥/, /n/ и /n̥/, /s/ и /s̥/, /l/ и /l̥/. Во втором случае синтагматическое перераспределение двух фонем — /l/ и «толстого l» — привело их к частичному парадигматическому слиянию.

По-видимому, положение «толстого l» в норвежском и шведском литературном языках связано с его фонематическим статусом в диалектах. В восточнорвежском произношении рикс-мола «толстое l» может появляться в некоторых словах с особой экспрессивной функцией, т. е. оно может в некоторых случаях быть стилистическим вариантом «тонкого l»⁵⁵ и, таким образом, потенциально присутствует в системе согласных. В Швеции оно считается нелитературным. Однако, по словам Оляндера, его можно услышать и у говорящих на литературном языке, «в других отношениях безупречном»,⁵⁶ а по словам Данелля, «несмотря на то, что общепринято считать его очень некрасивым звуком, оно фактически применяется большим количеством говорящих на литературном языке».⁵⁷ Так что и в Швеции оно потенциально присутствует у говорящих на литературном языке.

Известно, однако, что «толстое l» занимало раньше более прочное положение в шведском языке, и этапы его постепенного вытеснения из литературного произношения в XVII—XVIII вв. хорошо прослеживаются отчасти по написаниям (rd вместо l в словах, где «толстое l» возникло из rđ, см. стр. 44), отчасти по высказываниям современников.⁵⁸ Обычно это вытеснение объяс-

⁵⁵ C. Borgström. Innføring, 29.

⁵⁶ A. I. Ålander, ук. соч., 133.

⁵⁷ G. Danell, ук. соч., 22. — В городах средней Швеции его употребляют, по словам Ердмана, чаще мужчины, чем женщины, и образованные мужчины значительно чаще, чем образованные женщины (O. Gjerdmann. Studier över de sörmländska stadsmålens kvalitativa ljudlära. Uppsala, 1918, 62), что объясняется, очевидно, его стилистической экспрессивностью.

⁵⁸ A. Noreen. Vårt språk, IV. Lund, 1918, 295 и сл.; E. Wessén. Svensk språkhistoria, I. Stockholm, 1958, 144 и сл.; Его же. Våra folkmål, 21; см. также: N. Beckman. Bidrag till kännedomen om 1700-talets svenska huvudsakligen efter Sven Hofs arbeten. Lund, 1895, 15; H. Lindroth. J. Th. Bureus, den svenska grammatikens fader. Lund, 1911—1912, 207.

няется в конечном счете влиянием нижненемецкого языка, который в средние века был распространен в шведских городах.⁵⁹ Однако, не говоря уже о чисто хронологических трудностях, которые представляет такое объяснение (нижненемецкое влияние имело место в шведских городах до XVI в., а формирование шведской литературной нормы началось с XVI в.), непонятным остается при таком объяснении, с одной стороны, почему нижненемецкое влияние сказалось в Швеции в вытеснении только «толстого l», но не каких-либо других исконных особенностей шведской фонетики, а с другой стороны, почему положение «толстого l» в восточнонорвежском литературном произношении (которое основано на диалектах, в которых неизменно представлено «толстое l») точно такое же, как и в центральношведском литературном произношении, хотя в отношении восточнонорвежского литературного произношения не может быть речи о нижненемецком влиянии. Более вероятно поэтому, что вытеснение «толстого l» из шведского литературного произношения, как и непринятие его в произношение норвежского риксмолла, объясняется какой-то общей особенностью норвежско-шведского «толстого l»; скорее всего — противоречием между его распределением и его фонологическим содержанием, противоречием, которое не вяжется с нормативной тенденцией литературного произношения.

5. Норвежско-шведское слияние /r/ с последующим дентальным в альвеолярный согласный — это, конечно, как живая, так и историческая ассимиляция.⁶⁰ Она живая, поскольку она происходит автоматически и, в частности, в *sandhi*, т. е. в сочетаниях, вновь и вновь возникающих в речи. Она живая также и потому, что слова с альвеолярным, образовавшимся из сочетания согласных, еще не вытеснили полностью из языка варианты тех же слов с неассимилированным сочетанием согласных. Но ассимиляция эта историческая, поскольку есть все же слова, в которых она не произошла. Она историческая также и потому, что она бывает сильнее там, где она произошла более давно.

Еще Сторм указал на различие между «старым соприкосновением», т. е. ассимиляцией внутри корневой морфемы или на стыке морфем внутри слова, и «новым соприкосновением», т. е. ассимиляцией в *sandhi*, в новых заимствованиях, в производных или сложных словах, элементы которых не слились, а также между согласными, которые пришли в соприкосновение в результате недавнего выпадения промежуточного согласного.⁶¹ В тех

⁵⁹ Это объяснение давал О. фон Фрисен в своих лекциях (см.: O. Gjerdman, ук. соч., 61 и сл.; J. Brøndum-Nielsen, ук. соч., 81; A. I. Ålander, ук. соч., 133; ср. также: E. Wessén. *Våra folkmål*, 21).

⁶⁰ На возможность таких случаев, пограничных между исторической и живой ассимиляцией, указывает Дит (E. Dieth, ук. соч., 307—308).

⁶¹ J. Storm. *Norsk Lydskrift*, 96.

норвежских диалектах, где /г/, сливаясь с дентальным, дает то альвеолярный, то какуминальный, в «новом соприкосновении» оказывается нередко альвеолярный, а в «старом соприкосновении» — какуминальный.⁶² Ср., например, /ká't:/ 'незрелая ягода' и /káʈ:/ 'географическая карта' (новое заимствование).⁶³ Однако характер ассимиляции может зависеть не только от ее древности, но и от частоты употребления слова.⁶⁴ Кроме того, поскольку альвеолярный и его какуминальный коррелят — это самостоятельные фонемы, а не аллофоны одной фонемы, распределение их может регулироваться морфологической аналогией. Поэтому даже в отношении тех норвежских диалектов, где ассимиляция /г/ с дентальным дает то альвеолярный, то какуминальный, из распределения этих согласных отнюдь не всегда можно заключать о большей или меньшей древности ассимиляции.

Попытки датировать взаимную ассимиляцию /г/ с последующим дентальным по некоторым sporadическим написаниям дают сомнительные результаты. Высказывалось предположение, что sporadические написания *bagen*, *biögn* (вместо *bagr*, *biögn*) в шведских памятниках XVII в. свидетельствуют о том, что в сочетании /gn/ ассимиляция еще не произошла.⁶⁵ Между тем для норвежских памятников XIII—XIV вв. sporadические написания *gagde* вместо *garde* и *hverer* вместо *hverr* и подобные принимались, наоборот, за попытку дифференциации согласных, которые в разговорной речи уже ассимилировались.⁶⁶ Но, не говоря уже о том, что возможность таких противоположных истолкований делает сомнительными сами эти истолкования, мало вероятно, что взаимная ассимиляция /г/ с дентальным произошла в Швеции на полтысячелетия позднее, чем в Норвегии. Конечно, она едва ли происходила одновременно по всей норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области и могла начаться неодновременно в сочетаниях с разными дентальными, а именно она могла начаться раньше в сочетании /rt/ (сочетания /rd/ в древненорвежском и древнешведском первоначально вообще не было, а в сочетаниях /gn rl rs/ в древненорвежском и древнешведском происходила не взаимная, а регрессивная ассимиляция /gn > nn rl > ll rs > ss/⁶⁷). Однако взаимная ассимиляция /г/ с последующим дентальным была все же явно проявле-

⁶² H. Christiansen. *Norske dialekter*, 145.

⁶³ J. Reitan. *Aalens maalføre*, 36; H. Christiansen. *Norske dialekter*, 145.

⁶⁴ J. Reitan. *Rørosmålet*, 123.

⁶⁵ A. Noreen. *Vårt språk*, IV, 300; E. Wessén. *Svensk språkhistoria*, I, 146. Ср.: H. Lindroth, ук. соч., 222 и сл.

⁶⁶ D. A. Seip. *Om bortfall av ð i norsk*. В кн.: *Studier i norsk språkhistorie*. Oslo, 1934, 79; Его же. *Gammelnorske genitivformer som gudes, virduleghes o. fl.* Там же, 124; ср.: S. Kolsrud. *Um e og æ i cod.* Holm. isl. membr. no. 34 in 4to. *Arkiv för nordisk filologi*, 29 (33), 1916, 284.

⁶⁷ D. A. Seip. *Norsk språkhistorie til omkring 1370*. Oslo, 1955, 52, 79, 173—174; A. Noreen. *Altisländische und altnorwegische Grammatik*. Halle, 1923, 197; Его же. *Altschwedische Grammatik*. Halle, 1904, 223—224.

нием единой и общей норвежско-шведской тенденции развития согласных и должна быть связана с другими проявлениями той же тенденции. За свидетельство того, что в сочетании /rt/ уже произошла альвеоляризация или какуминализация, принимали также написания lt вместо rt (а именно altið вместо ártið) в норвежских памятниках XIII в.⁶⁸ и rt вместо lt (а именно Aertwiik вместо *Elptavík) в норвежском памятнике XV в.⁶⁹

Однако, поскольку эти написания спорадические, они могут быть также свидетельством спорадического перехода $r > l$ и $l > r$, которые имели место в Скандинавии как в «альвеолярно-какуминальной» области,⁷⁰ так и вне ее.⁷¹ Кроме того, ссылки на эти написания, по-видимому, подразумевают то, что в логике называется *petitio principii*: написания эти только в том случае свидетельствовали бы о происшедшей альвеоляризации или какуминализации, если бы было установлено, что буква l могла выражать альвеолярность или какуминальность последующего согласного, т. е. что само /l/ было в известных положениях «полутолстым» или «толстым». Но ведь это как раз то, что данные написания должны доказать.

Конечно, альвеоляризация и какуминализация не могли начаться до того, как альвеолярность и какуминальность не стали различительными признаками двух разных r, т. е. до появления «толстого l». Поэтому, история альвеолярных и какуминальных в норвежском и шведском — это прежде всего история разных r.

После того как произошло слияние /r/ и /R/⁷² (в чем заключалось противопоставление этих двух r, не имеет значения в данной связи), плавные, т. е. /r/ и /l/, не входили в древненорвежском и древнешведском ни в какие локальные корреляции и в этом отношении были изолированы среди согласных. Правда, в классических работах по исторической фонетике скандинавских языков (и прежде всего в работах Аксея Кокка) утверждалось, что в древнескандинавских языках и даже в праскандинавском l было дентальным в одних, строго определенных положе-

⁶⁸ D. A. Seip. Om bortfall av ð i norsk, 77; E го же Norsk språkhistorie, 177,—со ссылкой на: A. B. Larsen. Vokalforlængelser i de norske bygdemaal. «Maal og minne», 1914, 150; ср.: M. Hægstad. Vestnorske maalføre fyre 1350, II, 1. Videnskapsselskapets skrifter, II, 1914, № 5, 92; A. Noreen. Altisländische und altnorwegische Grammatik, 185 (где приводятся также примеры написания rd вместо ld; ls вместо rs и т. п.); O. Skulegud, ук. соч., 422.

⁶⁹ I. Hoff, ук. соч., 215.

⁷⁰ A. Noreen. Altisländische und altnorwegische Grammatik, 186; D. A. Seip. Norsk språkhistorie, 289.

⁷¹ Chr. Lisse. Om konsonantovergangen $r > l$ i dansk. Festskrift til P. Skautrup, Aarhus, 1956, 155 и сл.

⁷² В Норвегии это слияние произошло еще в дописьменное время, в некоторых диалектах вероятно еще в IX в. (A. Noreen. Altisländische und altnorwegische Grammatik, 192; F. Jónsson Norsk-islandske Kultur- og Sprogforhold i 9. og 10. Årh., Historisk-filologiske Meddelelser udgivne af Det kgl. danske Videnskabernes Selskab, 3, 1920—1921, 2, 262 и сл.; D. A. Seip. Norsk språkhistorie, 53); в Швеции — к началу XIII в. (A. Noreen. Altschwedische Grammatik, 221).

ниях в слове и «толстым l» (его называли также супрадентальным или какуминальным) в других, примерно в соответствии с распределением «тонкого» и «толстого l» в современных норвежских и шведских диалектах, а именно: оно было дентальным в начале слова, в удвоении и в старом соприкосновении с дентальным (относительно некоторых других случаев не было единства мнения) и «толстым l» в остальных положениях.⁷³ Кокку, несомненно, удалось блестяще доказать, что /l/ имело в разных и строго определенных положениях разные локализации (т. е. было дентальным или велярным и т. д.). Но и только. Именно поскольку эти положения были строго определенными, разные l были лишь аллофонами одной фонемы, и определенная локализация не была различительным признаком этой фонемы. Будучи единственными плавными, /l/ и /r/, т. е. латеральный и раскатистый, должны были быть противопоставлены по этим своим признакам, т. е. раскатистости (нелатеральности) — нераскатистости (латеральности). В силу этого латеральный плавный мог широко варьировать в отношении своей локализации в зависимости от своего положения в слове и, в частности, мог иметь своим аллофоном велярное l, но он никак не мог иметь своим аллофоном раскатистый плавный, т. е. «толстое l». Точно так же и для раскатистого плавного определенная локализация не должна была быть различительным признаком, и это подтверждается легкостью, с которой раскатистый плавный подвергался регрессивной ассимиляции со стороны согласных с другой локализацией, а именно ассимиляциям /gn > nn rs > ss rl > ll/ (ср. стр. 41).

Таким образом, ни фонетическая природа «толстого l», ни его фонематический статус не могут восходить к тому или иному аллофону праскандинавского /l/. Распространение «толстого l» на территории Швеции и Норвегии тоже свидетельствует о том, что оно скорее всего норвежско-шведское новшество (подобно «равновесию гласных», сдвигу /o : / и /u : / и т. д.) и, следовательно, относится к эпохе, для которой характерны такие нов-

⁷³ А. К о с к. Om svenskans behandling af ljudförbindelsen iū ock om fornsvenskans l-ljud. Nyare bidrag till kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folkliif, 2, 1880—1887, № 12, 12; Ег о ж е. Studier öfver fornsvensk ljudlära, II. Lund, 1886, 464 и сл.; Ег о ж е. Till frågan om supradentalt l och n i det nordiska fornspråket. Arkiv för nordisk filologi, 5(9), 1893, 254 и сл.; Ег о ж е. Bidrag till fornnordisk ljudlära. Arkiv för nordisk filologi, 14(18), 1902, 150 и сл.; А. N o r e e n. Geschichte der nordischen Sprachen. Strassburg, 1905, 577; Ег о ж е. Altschwedische Grammatik, 41; Ег о ж е. Grunddragen av den fornsvenska grammatiken. Stockholm, 1910; 1; Ег о ж е. Altisländische und altnorwegische Grammatik, 42; Н. P i p p i n g. Till frågan om l- och n-ljudens kvalitet i de nordiska språken. Studier i nordisk filologi, 6, 1914, 1—56; Ег о ж е. Inledning till studiet av de nordiska språkens ljudlära. Helsingfors, 1922, 153. Ср. также: J. B r ø n d u m - N i e l s e n, ук. соч., 80; R. I v e r s e n. Norgøn grammatikk. Oslo, 1955, 19. В одной своей работе Storm даже назвал «толстое l» «далеким отзвуком» русского твердого l, которое якобы проникло в древности из Руси в Швецию и потом в Норвегию (J. S t o r m. Om Nabosprog og Grænse-dialekter. Videnskabselskabets Skrifter, II, 1911, № 4, 8).

шества, т. е. к эпохе, когда праскандинавское языковое единство уже давно распалось.

Многие высказывали предположение, что «толстое l» впервые возникло в результате ассимиляции в древненорвежском и древнешведском сочетании /гǫ/ и потом как-то появилось в ряде положений вместо «исторического l». ⁷⁴ В свете того, что было сказано выше о месте «толстого l» в системе согласных (стр. 37), всего вероятнее, конечно, что оно действительно развилось из аллофона фонемы /г/ в сочетании /гǫ/. Ассимиляция в этом сочетании должна была, в таком случае, заключаться в том, что вновь образовавшийся согласный сочетал в себе различительный признак фонемы /г/ — раскатистость (ее фонетической спецификой было то, что она представляла собой один раскат, первоначально — движение кончика языка в сторону зубов при переходе от /г/ к /ǫ/), и новый различительный признак — какуминальность (она фонетически могла развиваться в данном аллофоне фонемы /г/ именно потому, что для данного аллофона был характерен один раскат и что /г/ варьировало в отношении своей локализации). Исчезновение /ǫ/ как фонемы из системы согласных должно было, по-видимому, быть решающим моментом в возникновении «толстого l» как фонемы. С исчезновением /ǫ/ как фонемы какуминальный аллофон фонемы /г/, возникший в сочетании /гǫ/, переставал быть представителем этого сочетания и превращался в полноценную фонему, противопоставленную как /г/, так и /l/.

В Норвегии фонема /ǫ/ исчезла, по Сейну, во второй половине XIII в. ⁷⁵ В Швеции это произошло, по Вессену, только в XVI—XVII вв. ⁷⁶ Возникновение «толстого l» из /гǫ/ в Норвегии обычно тоже относят к XIII в. ⁷⁷ Впрочем, Ларсен относил его возникновение, по-видимому, к более раннему времени. ⁷⁸ Сейн приводит написания ð(d) или г вместо гǫ от XIII в. как свидетельства возникновения «толстого l». ⁷⁹ Может быть, более важно для датировки его возникновения то, что /a/ перед /гǫ/ в норвежском в результате удлинения дало /a:/, а не /o:/, а /o:/ аналогично дало /u:/, а не /o:/, откуда следует, что гласный в этом положении удлинился после перехода /a: > o:/ и до перехода /o: > u:/,

⁷⁴ J. Storm. Norsk Lydskrift, 106—107; A. B. Larsen. Kristiania bymål, 74; H. Christiansen. Norske dialekter, 19, 138; D. A. Seip. Norsk språkhistorie, 177; E. Wessén. Svensk språkhistoria, I, 144.—По-видимому, однако, некоторые считают возможным, что «толстое l» развилось одновременно из сочетания /гǫ/ и из «исторического l» в некоторых его положениях (ср.: A. Sommerfelt, ук. соч., 102; G. Indrebø. Norsk målsoga. Bergen, 1951, 133; C. Borgstrøm. Innføring, 106).

⁷⁵ D. A. Seip. Norsk språkhistorie, 160.

⁷⁶ E. Wessén. Svensk språkhistoria, I, 143, (ср.: A. Noreen. Vårt språk, IV, 288 и сл.).

⁷⁷ G. Sjöstedt, ук. соч., 299.

⁷⁸ A. B. Larsen. Kristiania bymål, 71.

⁷⁹ D. A. Seip. Bortfall av ð i norsk, 78; Его же. Norsk språkhistorie, 177, 159.

т. е. примерно в XIII в., и, следовательно, к этому же времени относится возникновение «толстого l», поскольку удлинение гласного перед /gð/ означало, по-видимому, слияние этого сочетания в «толстое l».⁸⁰

«Толстое l» тогда, несомненно, еще ни в каком смысле не было l. Оно стало функциональным l только тогда, когда вытеснило некоторые (возможно, велярные) аллофоны фонемы /l/, т. е. частично слилось с ним. Но написания l вместо gð, свидетельствующие о том, что «толстое l» вытеснило некоторые аллофоны /l/, появляются значительно позднее. Единичные примеры таких написаний от XIV в., которые приводили Кокку,⁸¹ Нурен⁸² и Сторм,⁸³ не вызывают доверия.⁸⁴ Надежные примеры таких написаний относятся только к XV или даже XVI вв., и обильными они становятся только в XVII в.⁸⁵ Таким образом, слияние «толстого l» с /l/, во всяком случае в Норвегии, началось далеко не сразу после возникновения «толстого l» как фонемы. Поэтому кажется парадоксальным, что область распространения «толстого l» в положениях «исторического l» шире, чем область распространения «толстого l» в положениях, где было раньше /gð/.⁸⁶ Однако еще Сторм объяснил этот парадокс: «толстое l» распространилось на окраину «альвеолярно-какуминальной» области, когда /gð/ там уже давно стало /g/ и, следовательно, не могло стать «толстым l».⁸⁷

Понятно, почему «толстое l» с такой легкостью стало сливаться с другой фонемой: какуминальность была совершенно новым различительным признаком, и этот признак был пока что представлен только в одной фонеме. Понятно также, почему «толстое l» стало сливаться с /l/, а не /g/. Конечно, фонетически «толстое l» имело общее с обоими плавными, т. е. и с /l/, и с /g/. Его близость с /g/ сказалась, в частности, в ряде спорадических переходов «толстого l» в /g/ в отдельных словах и таких же обратных переходах /g/ в «толстое l».⁸⁸ Но дело в том, что «толстое l»

⁸⁰ D. A. Seip. Om bortfall av ð i norsk, 77; Е г о ж е, Norsk språkhistorie, 177.

⁸¹ A. Kock. Till frågan om supradentalt l, 264 (þiufvala bot вместо þiofvarþa bot).

⁸² A. Noreen. Altisländische und altnorwegische Grammatik, 185 (Fingal вместо Fingarðr и др.); Е г о ж е. Altschwedische Grammatik, 215 (Swalesiö вместо Swardsiö).

⁸³ J. Storm. Norsk Lydskrift, 106 (Giulsson вместо Giurdsson).

⁸⁴ См.: O. Skulerud, ук. соч., 423; D. A. Seip. Norsk språkhistorie, 289.

⁸⁵ G. Sjöstedt, ук. соч., 285 и сл.; E. Wessén. Svensk språkhistoria, I, 144.

⁸⁶ J. Storm. Norsk Lydskrift, 107; A. B. Larsen. Oversigt, 20, 33, 49, 56, 96; H. Christensen. Norske dialekter, 139.

⁸⁷ J. Storm. Norsk Lydskrift, 107.

⁸⁸ См., например: S. Landtmanson, ук. соч., 66 и сл.; H. Lindroth, ук. соч., 206; A. I. Ålander, ук. соч., 197 и сл.; 281 и сл.; A. Janzén. Frodængh-Floæng-Flöäng, «Namn och bygd», 1960, 91; O. Skulerud, ук. соч., 404, 426.

стало сливаться с той фонемой, которая была не только фонетически близка к ней, но и наиболее широка по своему фонологическому содержанию. В то время /l/ было вне локальных рядов (/l/ и 'l/ еще не появились!), тогда как /g/ с появлением «толстого l» стало противопоставленным ему как альвеолярное г какуминальному.

Если это так, то естественно предположить, что слияние «толстого l» с /l/ потому и не завершилось, что фонологическое содержание /l/ начало сужаться в силу альвеоляризации и какуминализации /t d n s l/ и, следовательно, с появлением альвеолярного и какуминального l. С их появлением для /l/ стало невозможным иметь дентальный (т. е. «тонкое l») и какуминальный (т. е. «толстое l») своими аллофонами. С другой стороны, с появлением новых альвеолярных и какуминальных «толстое l» переставало быть единственным какуминальным, его положение в системе противопоставления согласных укреплялось, и это тоже препятствовало завершению его слияния с /l/. Таким образом, фонологические соображения заставляют предполагать, что альвеоляризация и какуминализация /t d n s l/ начались тогда, когда происходил процесс слияния «толстого l» с /l/. Впрочем, как показывает положение на окраинах «альвеолярно-какуминальной» области,⁸⁹ ассимиляции эти могли иметь ряд промежуточных ступеней или происходить не всюду.

С другой стороны, поскольку началом «альвеолярно-какуминальной» тенденции было возникновение «толстого l», т. е. какуминального согласного, какуминализация дентальных должна была начаться раньше их альвеоляризации. Отсюда понятно, почему ассимиляция /g/ с последующим дентальным в некоторых случаях давала какуминальный, а не альвеолярный: альвеолярные имели в системе согласных менее прочное положение, чем какуминальные и могли сливаться с ними. Понятно также, почему «старое соприкосновение» (см. стр. 41), как правило, давало какуминальный, а «новое соприкосновение» — альвеолярный.

Возникновение «толстого l» как фонемы было самым крупным изменением в истории системы согласных норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области. Оно было возникновением совершенно нового различительного признака в системе согласных — какуминальности — и расщеплением раскатистого плавного на две фонемы — альвеолярный раскатистый и какуминальный раскатистый (т. е. превращением и альвеолярности в различительный признак). Противопоставление альвеолярного раскатистого какуминальному создало предпосылки для слияния этих раскатистых с последующими /t d n s l/ в новые альвеолярные и какуминальные фонемы — /t̥ d̥ n̥ s̥ l/ и /t' d' n' s'

⁸⁹ J. A. Lundell, ук. соч., 34 и сл.; H. Christiansen. Norske dialekter, 144—145. Ср., например: A. Noreen. Fårömålets ljudlära. Nyare bidrag till kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folklif, I, 1879, 312; D. A. Seip. Lydverket i Åsdølmålet. Kristiania, 1915, 15.

'l/ и противопоставления альвеолярных и какуминальных дентальным, т. е. превращения и дентальности в различительный признак. Таким образом, для всей норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области, т. е. той области, где представлены «толстое l» и альвеолярное г с момента появления «толстого l» общей тенденцией развития системы согласных было включение плавных в локальные корреляции и расщепление переднеязычных на три коррелятивных локальных ряда — дентальные, альвеолярные и какуминальные.

Тенденция эта действует уже по меньшей мере в течение семи веков. Однако она остается только тенденцией. Вновь возникающие фонемы неустойчивы, они сливаются парадигматически с родственными фонемами («толстое l» сливается с «историческим l», альвеолярные /t d n s l/ сливаются со своими какуминальными или дентальными коррелятами), в функционировании новых фонем есть ряд ограничений и непоследовательностей. И это неудивительно: язык «как система» существует только в декларациях; в действительности система — это только тенденция развития языка.

OM EN NORSK-SVENSK FONOLOGISK UTVIKLINGSTENDENS (ALVEOLARER OG KAKUMINALER I NORSK OG SVENSK)

M. I. Steblin-Kamenskij

Den fonemiske status til de såkalte "alveolariserte dentaler", som er typiske for både den vanlige riksmålsuttale øst og nord i landet og de sentrale variantene av svensk riksspråk, har vært drøftet gjentagne ganger. Er disse lyd representanter for sekvensene /rd rt/ osv., fakultative varianter av disse sekvenser, eller selvstendige fonemer? Den fonemiske status til disse lyd er faktisk i den grad inkonsekvent og komplisert, at ordknappe definisjoner umulig kan dekke den helt. Men årsaken er neppe den, at kompliserte fonemiske forhold i alminnelighet er typiske for høyst differensierte samfunn. En enklere forklaring synes å ligge nær: utviklingen av de alveolare fonemer /t d n l/ i norsk og svensk er uavsluttet, pågjeldende fonemer holder på å bli til, derfor finner funksjonelle grensetilfeller sted.

Som bekjent forekommer den resiproke assimilasjon av /r/ med etterfølgende dental over størsteparten av Norge og Sverige og grenselinjen for fenomenet faller i grove trekk sammen med grenselinjene for tungespiss r og den såkalte "tykke l". Det er også vel kjent, at assimilasjon av "tykk l" til etterfølgende dentaler i regelen gir kakuminaler, mens assimilasjon av /r/ til etterfølgende dentaler bare på den sentrale del av området gir kakuminaler,

ellers gir den både kakuminaler og alveolarer eller bare alveolarer.

Det fremgår av målførebeskrivelsene, at den fonemiske status til konsonanter som i målførene har utviklet seg av sekvensene /rt rd/ osv., vesentlig er den samme som i litteraturspråkene: motsetningen mellom dentaler og alveolarer (henholdsvis kakuminaler) og selv mellom alveolarer og kakuminaler innbyrdes, blir utnyttet i stor utstrekning, mens motsetningen mellom alveolarer (henholdsvis kakuminaler) og de tilsvarende sekvenser i regelen ikke blir utnyttet. Allikevel forekommer det også i målførene ord med atskilt /r/ og dental (utslag av skriftspråkets påvirkning eller analogi), og alveolarer (henholdsvis kakuminaler) forekommer i noen tilfeller i ord hvor de tilsvarende sekvenser aldri har eksistert. Forskjellen fra forholdet i litteraturspråkene er bare den, at assimilasjon av /r/ med etterfølgende dental i målførene er mer regelmessig og de tilsvarende sekvenser sjeldnere.

Man skulle tro at det var lett å forklare, hvorfor berøringen av /r/ med etterfølgende dental har til følge oppkomsten av en alveolar: det skjer nemlig en resiprok assimilasjon, slik at resultatet blir en konsonant som kombinerer én egenskap ved /r/, det å være alveolar, og alle egenskaper ved den etterfølgende dental unntatt det å være dental, dvs. den resulterende konsonant forblir klusil eller lateral, stemt eller ustemt, nasal eller oral. Men saken er at tungespiss *r* i andre språk, for eksempel i russisk, ikke viser noen tendens til en slik resiprok assimilasjon med etterfølgende dental. Hvorfor da har den norsk-svenske tungespiss *r* en "alveolariserende kraft"? Svaret er enkelt nok. Dens assimilerende kraft beror på dens stilling innen systemet av konsonantmotsetninger. Dersom /r/ og /l/ er de eneste likvider i et konsonantsystem og står i distinktiv motsetning til hinannen som rullende til ikke-rullende eller som lateral til ikke-lateral, dvs. dersom /l/ og /r/ mangler lokale distinktive faktorer, og som kjent er dette tilfellet i mange språk, da kan "alveolar" umulig være en av de distinktive faktorer hos /r/ og kan derfor umulig bli en av de distinktive faktorer hos den konsonant som /r/ assimileres med. Omvendt, dersom "alveolar" blir en av de distinktive faktorer hos den konsonant som /r/ assimileres med, som tilfellet er i norsk og svensk, må "alveolar" være en av de distinktive faktorer hos /r/, dvs. det å være alveolar må være den egenskap ved /r/ som skiller den fra i det minste én annen likvid.

Selve det faktum at "tykk *l*" pluss dental alltid gir kakuminal, viser at "kakuminal" er en av dens distinktive faktorer. Men den må ha enda én distinktiv faktor, som er særegen for likvidene og skiller mellom dem innbyrdes. Siden likvidene i norsk og svensk er representert av *r*- og *l*-lyd, kunne denne faktor være enten "rullende" (henholdsvis "ikke-lateral") eller "ikke-rullende" (henholdsvis "lateral"). Men den plass som skulle fylles av den laterale kakuminal er alt opptatt av kakuminal *l*, som står i di-

stinktiv motsetning til "tykk *l*". Den andre distinktive faktoren hos "tykk *l*" må naturligvis være "rullende", og dette strider ikke mot dens fonetiske natur, siden rulling forutsetter tungeslag, og hovedbevegelsen ved "tykk *l*" er som bekjent et tungeslag. Etter sin stilling innen systemet av konsonantmotsetninger må "tykk *l*" således være kakuminal *r*. Det norsk-svenske systemet av dentaler, alveolarer og kakuminaler i sitt maksimale omfang skulle da være:

t	d	n	s	l	
t̥	d̥	n̥	s̥	l̥	r
't	'd	'n	's	'l	'r

hvor /'r/ er "tykk *l*".

Men saken er at distribusjonen av "tykk *l*" strider mot dens fonemiske innhold. Den norsk-svenske "tykke *l*" viser en sterk tendens til komplementær distribusjon med den laterale dental, eller "tynn *l*", dvs. til sammenfall med dette fonem. Riktignok varierer distribusjonen av "tykk *l*" fra målføre til målføre. Men hovedtendensen er tydelig den samme over hele det "alveolaro-kakuminale" området: "tykk *l*" forekommer regelmessig: 1) etter vokal i utlyd eller mellom vokaler (men vanligvis ikke etter de mest lukkede fremre vokaler), 2) mellom vokal og konsonant (men ikke dental), 3) mellom konsonant (men vanligvis ikke dental) og vokal; "tynn *l*" forekommer derimot i alle øvrige stillinger, dvs. forlenget, i framlyd (allikevel forekommer i Dalarna "tykk *l*" også i framlyd), etter og foran dentaler, osv. Men konsekvent gjennomført er denne hovedtendensen ikke i noen norsk eller svensk målføre: over hele det "alveolaro-kakuminale" området opptrer "tynn *l*" av og til i stillinger hvor "tykk *l*" er regelrett, den opptrer nemlig i disse stillinger i lånord fra andre språk eller fra skriftspråket, i lydmalende funksjon, i ord hvor betingelsene for forekomsten av "tykk *l*" ikke er opprinnelige, dvs. i ord hvor dental foran /l/ falt ut, hvor /e/ foran /l/ har utviklet seg av /ei/, hvor /l/ opprinnelig var lang, osv. For øvrig gis det unntak også fra alle disse regler, siden distribusjonen av "tykk" og "tynn *l*" aldri synes å ha vært helt komplementær (eller allofonisk) og følgelig kunne forandre seg ved analogi. Det ligger derfor i sakens natur, at "tykk" og "tynn *l*" over hele området kan opptre i identiske stillinger, dvs. står i motsetning til hverandre.

Det er da helt naturlig at de som er oppvokst med "tykk *l*", dvs. nordmennene og svenskene fra det "alveolaro-kakuminale" området, i regelen oppfatter den som *l*. De går ubevisst ut fra dens tendens til komplementær distribusjon med "tynn *l*" og dens betegnelse i skrift, dvs. de bedømmer den fra et rent funksjonelt synspunkt. Allikevel har også enkelte skandinaver oppfattet "tykk *l*" som "vesentlig en *r*-lyd" (A. Noreen o. fl.). Utlendinger derimot oppfatter den alltid som en *r*-lyd, siden de ikke er påvirket av dens distribusjon og betegnelse i skrift og kan bedømme den fra et rent fonetisk synspunkt.

Både i østnorsk riksmål og i de sentrale variantene av svensk riksspråk synes "tykk *l*" å være en stilistisk variant av /*l*/, dvs. motsetningen mellom "tykk" og "tynn *l*" er til også i skriftspråkene, men utnyttes bare for å skille mellom stilverdier, ikke mellom betydninger. Som bekjent var den "tykke *l*" 's stilling i svensk riksspråk tryggere før i tiden, og det påstås at den gradvise fortrenkning av denne lyd fra den svenske litterære uttale skyldes den nedertyske påvirkning (O. von Friesen o. fl.). Allikevel, bortsett fra at denne teori er forbundet med kronologiske vanskeligheter, forklarer den ikke, hvorfor stillingen til "tykk *l*" i østnorsk riksmål (hvor det ikke kan være tale om nedertysk påvirkning) er nøyaktig den samme som i sentralt svensk riksspråk. Det er sannsynligere at både fortrenkningen av "tykk *l*" fra svensk riksspråk og dens stilling i norsk riksmål skyldes motsetningen mellom fonemets fonologiske innhold og dets distribusjon,—en motsetning som strider mot den normative tendens som er typisk for enhver litterær uttale.

Det er innlysende at den kompliserte fonologiske status til et fonem også i dette tilfelle skyldes en uavsluttet utvikling. Men det vi her står overfor er ikke noen oppkomst av fonemer, eller deres paradigmatiske spaltning, men deres paradigmatiske sammenfall. Siden "tykk *l*" er kakuminal *r*, gjelder det først å forstå hva som er skjedd med *r*-lydene i norsk og svensk. Etterat fonemene /*r*/ og /*R*/ var falt sammen, sto de norske og svenske likvid, dvs. /*r*/ og /*l*/, utenfor lokale korrelasjoner og var i denne henseende isolerte blant konsonantene. Riktignok påsto Axel Kock og mange andre etter ham, at *l* til og med i urnordisk var dental i visse stillinger og "tykk" (man kalte den også "supradental" eller "kakuminal") i visse andre stillinger i samsvar med distribusjonen av "tykk" og "tynn *l*" i moderne norske og svenske målføre. Kock har uten tvil ført bindende bevis for at de ulike lokalisasjoner av /*l*/, dvs. dens dentale eller velare karakter, alltid har vært bundet til dens ulike stillinger. Men nettopp fordi distribusjonen av disse ulike *l* var konsekvent gjennomført, var disse *l* bare allofoner av ett fonem, og følgelig kunne artikulasjonsstedet ikke være distinktivt for dette fonem. Siden /*r*/ og /*l*/, dvs. den rullende og den laterale likvid, var de eneste likvid, sto de i motsetning til hverandre som rullende (eller ikke-lateral) til ikke-rullende (eller lateral). Følgelig kunne artikulasjonsstedet av /*l*/ variere i samsvar med dens stilling, dvs. dental eller velar *l* kunne godt være dens allofoner, men en rullende likvid, dvs. "tykk *l*", kunne umulig være dens allofon. Likeledes var artikulasjonsstedet ikke-distinktivt for den rullende likvid, og assimilasjonene /*rn* > *nn* /*rs* > *ss* /*rl* > *ll*), dvs. assimilasjoner av /*r*/ till konsonanter med en annen lokalisasjon, viser at dette virkelig var tilfellet.

Hverken den fonetiske natur av "tykk *l*" eller dens fonemiske status kan således gå tilbake til en eller annen allofon av den urnordiske /*l*/. Også utbredelsen av "tykk *l*" over Sverige og Norge

viser, at den etter all sannsynlighet var en norsk-svensk innovasjon og følgelig oppsto i en periode da det urnordiske språkfelleskap for lenge siden var brutt. Det har vært formodet at "tykk *l*" i norsk og svensk fra først av er kommet opp ved assimilasjon i sekvensen /*rð*/, og alt tyder på at formodningen er riktig. Resultatet av assimilasjonen måtte da være en konsonant som kombinerte én distinktiv faktor av fonemet /*r*/, nemlig det å være en rullende likvid (riktignok var rullingen minimal, siden den besto av bare ett tungeslag, — opprinnelig en bevegelse ved overgangen fra /*r*/ til /*ð*/), og én ny distinktiv faktor, nemlig det å være kakuminal (lyden kunne bli kakuminal nettop fordi den besto av bare ett tungeslag og fordi lydens artikulasjonssted varierte). Det at fonemet /*ð*/ forsvant fra konsonantsystemet måtte være av avgjørende betydning for oppkomsten av det nye fonemet: først da fonemet /*ð*/ var forsvunnet fra systemet, var den kakuminale allofon av /*r*/ som oppsto i sekvensen /*rð*/, ikke lenger en representant for denne sekvensen, men ble til et helt selvstendig fonem, som sto i motsetning til både /*r*/ og /*l*/. Men det er ikke tvil om at den nye likvid ved sin oppkomst ikke i noen forstand var *l*. Den ble jo til en funksjonell *l* først da den hadde fortrenget enkelte (formodentlig velare) allofoner av /*l*/, dvs. delvis hadde falt sammen med dette fonem. Det at man begynte å skrive *l* for *rð*, tyder på at dette alt hadde funnet sted. Men sporadiske eksempler av denne skrivemåten fra 14. årh. er upålitelige. Sikre eksempler viser seg meget senere (først i 15. eller 16. årh.). Dette tyder på at sammenfallet av den nye likvid med "historisk *l*" i hvert fall i Norge fant sted en del senere enn oppkomsten av denne nye likvid.

At den nye likvid med letthet kunne falle sammen med et annet fonem, er forståelig: "kakuminal" var jo en helt ny distinktiv faktor og forekom i bare ett fonem, med andre ord, den nye likvid hadde svakt fotfeste i motsetningssystemet. Årsaken til at den nye likvid begynte å falle sammen med /*l*/ og ikke med /*r*/ er også forståelig. Riktignok hadde den nye likvid fonetisk slektskap med både /*l*/ og /*r*/, og sporadiske overganger av "tykk *l*" til /*r*/ og vice versa er utslag av dette slektskap. Men saken er at artikulasjonsstedet for /*r*/ ved oppkomsten av den nye likvid ble distinktivt (nå sto jo /*r*/ i motsetning till den nye likvid som alveolar til kakuminal), mens artikulasjonsstedet for /*l*/ fremdeles ikke var distinktivt (/l/ og /'l/ var jo ennå ikke til). Således var /*l*/ mer omfattende i sitt fonologiske innhold enn /*r*/ og kunne følgelig lettere innlemme den nye likvid. Det ligger da nær å anta, at sammenfallet av den nye likvid med /*l*/ ble uavsluttet fordi det inntraff kakuminalisering (henholdsvis alveolarisering) av dentaler, og fordi det oppsto kakuminaliserte (henholdsvis alveolariserte) dentaler: så snart som kakuminal *l* var oppstått, ble det umulig for /*l*/ å ha kakuminale allofoner, og så snart som nye kakuminaler var oppstått, opphørte "tykk *l*" å være den eneste kakuminal, dvs. dens stilling i konso-

nantsystemet ble tryggere. Man kan da formode at kakuminalisering og alveolarisering av dentaler inntraff da "tykk *l*" holdt på å falle sammen med *ll*. På den annen side, ettersom hele utviklingen begynte med oppkomsten av "tykk *l*", dvs. en kakuminal konsonant, måtte kakuminalisering av dentaler inntreffe tidligere enn deres alveolarisering, og dette forklarer hvorfor assimilasjon av */r/* med etterfølgende dental i noen tilfeller gir kakuminal, men ikke alveolar: alveolarer hadde svakere fotfeste i konsonantsystemet enn kakuminaler og kunne falle sammen med dem. Man forstår da også hvorfor "gammel berøring" i regelen gir kakuminal, mens "ny berøring" gir alveolar.

Allikevel, er det meget vanskelig å tidfeste overgangene nærmere. Skrivemåtene *baren* for *barn* og *biören* for *biörn* i svenske håndskrifter fra 17. årh. har vært formodet å vise at alveolarisering av dentaler ennå ikke var inntrådt. Men skrivemåtene *garede* for *garde* og *hverer* for *hvern* i norske håndskrifter fra 14. årh. har vært formodet å vise at overgangen alt var inntrådt. Identiske skrivemåter er således blitt gjenstand for stikk motsatte tolkninger. Det er lite sannsynlig at overgangen i Sverige inntrådte et halvt tusen år senere enn i Norge, selv om den neppe kunne foregå på samme tid over hele det "alveolaro-kakuminale" området og i forskjellige sekvenser. Overgangen kunne således inntre tidligere i sekvensen */rt/*, siden sekvensen */rd/* opphavlig ikke var til, mens assimilasjon i sekvensene */rn rs rl/* opphavlig var regressiv (*/rn > nn, rs > ss, rl > ll/*) og ikke resiprok. Det har vært fremholdt at skrivemåten *altid* for *ártid* i norske håndskrifter fra 13 årh. tyder på alveolarisering eller kakuminalisering av dentaler. Men siden skrivemåten *lt* for *rt* er sporadisk, kan den godt tyde på en sporadisk overgang */r > l/*, som er vidkjent. Dessuten er henvisningen til denne skrivemåten et sirkelbevis: denne skrivemåten skulle tyde på alveolarisering eller kakuminalisering av dentaler, dersom man først kunne påvise at bokstaven *l* betegnet alveolarisering eller kakuminalisering av den etterfølgende dental. Men det er nettopp pågjeldende skrivemåte som skal påvise at bokstaven *l* virkelig hadde denne verdi.

Man kan da bare peke på hovedlinjene i hele utviklingen. Oppkomsten av "tykk *l*" var opphav til de viktigste endringer i konsonantsystemet innenfor det norsk-svenske "alveolaro-kakuminale" område. Den førte med seg spaltningen av den rullende likvid i to fonemer — kakuminal (dvs. "tykk *l*") og alveolar (dvs. tungespiss *r* med alveolariserende kraft). Med andre ord, en ny lokal distinktiv faktor oppsto — "kakuminal" — og førte med seg oppkomsten av en annen ny lokal distinktiv faktor "alveolar". Disse nye distinktive faktorer ble forutsetningen for assimilasjonen av begge likvider med etterfølgende dentaler og utviklingen av nye kakuminale og alveolare fonemer — */t 'd 'n 's 'l/* og */t̥ d̥ n̥ s̥ l̥/* — som sto i motsetningsforhold til dentaler — */t d n s l/*. Følgelig ble også "dental" en distinktiv faktor. Den generelle utvik-

lingstendens av konsonantsystemet innenfor den norsk-svenske "alveolaro-kakuminale" område har da vært innlemmelsen av likvidene i lokale korrelasjoner og spaltningen av tungespisslydene i tre korrelative lokale serier — kakuminaler, alveolarer og dentaler. Tendensen har vært virksom i ikke mindre enn sju hundreår. Men den er fremdeles bare en tendens. De nye fonemer er labile, de er tilbøyelige til å falle sammen med beslektede fonemer: "tykk *l*" faller sammen med "historisk *l*", alveolarer faller sammen med sine kakuminale eller dentale korrelater. En rekke funksjonelle grensetilfeller finner sted. Den fonologiske status til de nye fonemer er inkonsekvent og komplisert. Men alt dette er nettopp hva en fonologisk utviklingstendens skulle føre med seg.
